

ЗЕМЛЯКИ

МАЛИК ДУРСУНОВ

Украина (Харьков)

Лудильщик Гриша

Рассказ

Целое поколение зогаллинцев и сегодня держит обиду на простого лудильщика из Загаталы с экзотичным для местных именем Гриша, который в начале пятидесятих годов прошлого века нанес невосполнимый удар по их домашнему хозяйству, одним рейсом старого грузовика опустошив весь их базисный запас кухонной утвари. Позже на его полное восстановление, по признанию зогаллинцев, потребовался чуть ли не десяток лет. Поступок Гриши получился очень болезненным для жителей Зогаллы, упоминание его имени по истечении полувекового времени приводит в ярость моих земляков и, как правило, сопровождается смачным плевком в направлении Загаталы, напоминая городу о его части ответственности за деяния своего бывшего жителя.

Большинство зогаллинцев сегодня в частных беседах соглашаются, что глупее непреходящей коллективной обиды и совокупной злости в этой жизни ничего нет, даже если когда-то они являлись обоснованными. Однако никак не хотят забыть ту злополучную историю, при которой они всей деревней были облапошены приезжим мастером. Тот же Кара-дайы, человек, переживший ужасную войну, сегодня готов простить даже организаторов той планетарной бойни, но ни в какую не может простить полоумного мастера-лудильщика, в начале пятидесятих годов прошлого века обманом забравшего у него две небольшие медные кастрюли!

***

Странностями зогаллинцев в наши дни никого не удивишь, соседние мугалы и грузины при желании не такое еще расскажут. Но и мугалы¹, и грузины сами готовы с удовольствием послушать лучшего рассказчика наших краев, да будет жив он еще сто лет, нашего аксакала, остролова и сквернослова Кара-дайы.

Я давно искал случая узнать у Кара-дайы его версию истории с лудильщиком, и, как всегда, случай подвернулся неожиданно.

Была поздняя осень, день был мерзкий, шёл сильный холодный дождь. В такую погоду уважающий себя хозяин даже в конуре собаки включил бы обогреватель. Мы сидели с Кара-дайы у него в доме на первом этаже, в большой теплой комнате, и пили вино. Жена Кара-дайы была занята домашними делами, то и дело заглядывая к нам, уточняя, всё ли есть на столе. В очередной раз она зашла с небольшой старой ржавой кастрюлей в руке, заполненной до краев зерном.

– Пойду, курам насыплю, – сказала она мужу. – Не зови меня, всё равно не услышу.

При виде жены с кастрюлей Кара-дайы вдруг преобразился и стал внимательно всматриваться в нее, как бы заново открывая ее для себя. Мне стало неудобно, что, возможно, своим присутствием я чему-то мешаю.

¹ Мугалы – условное название жителей соседних деревень, литературный приём автора. Зогаллинцы и мугалы – азербайджанцы, по укладу жизни и по быту немного отличающиеся друг от друга, и на этой почве вечно имеющие друг к другу претензии.

– Пойду, курам насыплю, – повторила жена. – Чего уставился? – Повернулась и пошла на выход. Открывая дверь, перед уходом, она негромко добавила: – Совсем оглох, старый, ничего не слышит. А пить с утра до вечера, пожалуйста, он умеет.

Я, между прочим, уже позже анализируя последние слова жены Кара-дайы, не нашел никакой прямой связи между тугоухостью Кара-дайы и его умением пить круглый день и лишний раз убедился в правдивости утверждений Кара-дайы о том, что в поступках его жены никогда не стоит искать логики. Что, кстати, неудивительно, учитывая ее мугальское происхождение, добавил бы Кара-дайы.

Кара-дайы, тем временем, учитывая ту самую тугоухость, вряд ли слышал последние слова жены и, повернувшись, на этот раз уставился на горящую бухару-камин.

Прошла минута, вторая, а он все смотрел на огонь.

Я почему-то подумал, что Кара-дайы сейчас вспоминает какую-то военную картину, и мне сегодня придется выслушать его очередную военную байку, которую я, скорее всего, до этого не раз слышал. Устав от просмотра горящего огня, Кара-дайы закрыл глаза ладонями. И только через минуту он артистично убрал руки и поднял голову. В его сухих карих глазах вдруг блеснула радость.

– Видел кастрюлю с зерном в руках у моей жены? – спросил он у меня.

Я ничего не понимал.

– Ну, видел, – ответил я.

– Вот точно такую кастрюлю, вот этими руками, – протянув обе руки вперед, он показал мне их, – я отнес тогда и отдал Грише. И вторую кастрюлю, чуть побольше этой. Вместе с крышками. Вот этими руками! И больше я их не видел, ни кастрюль, ни крышек, будь он неладен, этот Гриша! – при последних словах темное лицо Кара-дайы немного побледнело, и я решил, что он по сей день не только зол на Гришу, но и продолжает скорбеть по своим безвременно утерянным кастрюлям.

Я повеселел в душе, что Кара-дайы на этот раз сам соскочил с военной темы, и в ожидании нового рассказа налил вино по стаканам.

***

– Рано или поздно в душе рубцуются любая рана, но след рубца остается на всю жизнь, – Кара-дайы начал свой рассказ.

Как я уже говорил, мы сидели в теплой комнате возле бухары, нами было выпито достаточное количество вина, поэтому я не удивился философскому началу рассказа. Как ожидалось, перед началом рассказа Кара-дайы основательно и не стесняясь меня выругался в адрес Гриши, о ком я просил рассказывать.

– Поверь мне, старику, со временем на нет сходит даже самая чувствительная обида. Возьмем ту же войну, – рассказ получился бы неполноценным, если бы Кара-дайы обошелся без упоминания войны. – Пятьдесят лет прошло после ее окончания. В первое время после войны я был очень зол на немцев, несмотря на то, что после войны успел поработать год с ними в Дрездене в комендатуре. Но всё равно был зол. Постепенно прошло годы, сегодня у меня к ним почему-то особой злобы нет. Столько народу полегло в войне по их вине, не считать. Но злобы на них сегодня у меня всё равно нет, – повторился он. – Согласен, ничего не проходит бесследно, в душе обязательно что-то остается. Стоит только начать ворошить старое, я тоже начинаю вспоминать всё. Вспоминая погибших, раненых друзей, покаленных товарищей, хочу злиться. Не получается, и всё! – сказал Кара-дайы и бросил на стол ложку.

– А вы и не злитесь, – посоветовал я ему, желая отвести его от военной темы, чтобы успокоить. Но я ошибался.

– Но как только вспоминаю твоего Гришу... – произнес Кара-дайы и уставился на меня.

Я был спокоен, это был не первый такой случай. Гриша был мой, потому что именно историю, связанную с Гришей, я просил сегодня рассказать Кара-дайы. О ком бы я его ни просил рассказывать, тот моментально становился мне или другом, или товарищем. Сегодня Гриша мне не друг и не товарищ. Он просто мой. Такова логика рассказов Кара-дайы.

– Как только я вспоминаю твоего Гришу, у меня внутри всё горит. Рану, которую он тогда нанес нам, всем зогаллинцам, забыть невозможно! Рану, нанесенную немцами, забываю, а то, что сделал с нами твой Гриша, – никогда!

Меньше всего я ожидал такого сравнения, но делать было нечего, тем интереснее становился рассказ Кара-дайы.

***

– Забрал всё подчистую и уехал в Загаталу, где и спрятался. Какая-никакая, но Загатала все-таки город, и попробуй, найди его там. Это тебе не Зогаллы, где все друг друга знают. В городе легче потеряться. Уехал и исчез, – сказал Кара-дайы и в подтверждение вышеуказанной гипотезы заодно разъяснил мне уровни конспиративности в поселениях в зависимости от их величины.

Коварство Гриши оказалось неожиданным для зогаллинцев, так как знали они его давно и считали его своим. Тем более Гриша считался именным гостем самого сильного зогаллинца тех лет – Алескера.

В те годы зогаллинцы еще придерживались негласного *деде-баба*¹ правила, суть которого заключалась в том, что гость, часто посещающий Зогаллы, должен был останавливаться и ночевать конкретно у одного хозяина и считался его именным гостем. Днем он мог ходить в гости и даже обедать у любого зогаллинца, но завтракать и ужинать, а тем более ночевать он обязан был у того, чьим именным гостем считался. Институт негласной прописки незнакомого приезжего в определенное хозяйство, дом или двор существовал в Зогаллы издавна и накладывал существенные обязательства на принимающую сторону не только в части пропитания и ухода за гостем. Хозяин, чьим гостем являлся приезжий, еще и отвечал за его поведение, чтобы тот не оказался вором или, не дай Аллах, не замышлял украсть из Зогаллы невесту. Иметь именного гостя считалось престижным среди зогаллинцев, это говорило о состоятельности принимающей стороны. Только более зажиточные зогаллинцы могли себе позволить иметь именного гостя, обязательным условием при этом являлось наличие отдельной комнаты для его ночлега. Хозяин дома, чьим именным гостем являлся приезжий, старался всюю, чтобы угодить ему и выглядеть достойно в глазах односельчан. Лучшая постель дома месяцами ждала на сундуке приезда именного гостя, последние баночки варенья всех его разновидностей на полках считались неприкосновенными запасами дома, там же находились всевозможные соленья. Петухи, приговоренные на случаи внезапного появления в доме именного гостя, свободно гуляли во дворе. Нередки были случаи, когда в первый день приезда именного гостя зогаллинцы резали даже барана.

Самым большим домом в Зогаллы в то время являлся двухэтажный каменный дом Кара-дайы. Количество именных гостей, естественно, наибольшим было у него. Традиция останавливаться на ночлег у Кара-дайы имела давнюю историю. В тридцатых годах прошлого столетия только благодаря поселившемуся гостю – русскому комиссару – Кара-дайы удалось отстоять свой двухэтажный дом, который чуть было не отобрали у него под здание сельсовета. С тех пор Кара-дайы был очень осторожен в приеме незнакомых гостей, но его хлебосольный дом еще долгое время продолжал считаться самым гостеприимным уголком Зогаллы.

¹ Деде-баба – (азерб.) предки, букв. отец-дед.

– Сейчас хорошо, везде гостиницы понастроили, дома отдыха. Есть где остановиться и ночевать. А раньше как было? Задержался было человек в Зогаллы, а что ему оставалось делать? Не спать же на улице, вот и просился он к кому-нибудь на ночлег. Приходилось пускать в дом, а как же? Раз ночевал, два ночевал, постепенно превращался в именного гостя. При этом первый раз, когда ты его пускал в дом, ты не знал, что за человек, что у него на уме. Так и покойный ныне Алескер сделал Гришу своим именным гостем, потом ходил и плевался. Знал бы, что такое тот наворит, никогда не пустил бы его в дом, – оправдывал Кара-дайы Алескера.

Гриша быстро вошел в доверие к зогаллинцам, рассказывал, что он полукровка, якобы мать у него была русской, а отец азербайджанцем. Говорил он, что родителей своих не помнит, умерли они, когда сам был маленьким. Еще говорил, что вырос он в детдоме, где все говорили на русском, оттуда и у него такой азербайджанский язык, смешанный с русским. Много еще говорил Гриша сердобольным зогаллинцам, они верили ему, в гости по очереди на обед приглашали. В Зогаллы останавливался он у Алескера на три-четыре дня каждый приезд. Алескер был непьющим, а Гриша выпивал похлеще любого зогаллинца. Поэтому он и обедал то у одного, то у другого зогаллинца, где ему наливали. Еще он рассказывал, что лудильному делу научился в Шеки у одного старого мастера, потом, вернувшись в Загаталу, самостоятельно начал заниматься этим промыслом.

– Езжу по деревням, собираю прохудившуюся кухонную утварь, везу в Загаталу, там ремонтирую её, потом возвращаю. Так и живу, не жалуюсь, на жизнь хватает, – рассказывал он доверчивым зогаллинцам. Зогаллинцы верили ему, жалели его как ребенка-сироту, хотя своих сирот в деревне после войны было хоть отбавляй.

Платили Грише зогаллинцы за его работу кто фундуком, кто орехами, кто сыром, кто вином, кто домашней водкой. Давали и живую курицу, давали и тушку курицы, давали хороший кусок мяса, сушеное мясо тоже давали. Живых денег в Зогаллы в те годы ни у кого не водилось, народ жил бедно. Гриша тоже молодец: был непривередливым, брал всё, что давали, брал столько, сколько давали, собирал всё и уезжал.

Приезжал он в Зогаллы раз в два-три месяца, забирал дырявые казаны, миски, кастрюли, всю ржавую посуду в Загаталу, ремонтировал и возвращал.

На ремонт Гриша брал изготовленные из меди кухонные принадлежности: казаны, дуршлаг – *паланкеши*, подойники с двумя ручками, тазы – *лейены*, поварёшки – *кефкир*, подносы, а также ведра с вдавненными боками и кувшины для воды – *саханги*. Бывали случаи, что в суматохе работ зогаллинские хозяйки оставляли горячий самовар без воды, что приводило к распайке внутренней трубы, и вода из тулова самовара начинала течь на угли. Такие самовары Гриша брал на реставрацию, он ремонтировал и другие неисправности самоваров, когда, бывало, потек кран или протекало из носика самовара. Мастером он считался неплохим, никогда никого не обманывал, всегда в назначенный день привозил отремонтированную посуду.

Единственным недостатком Гриши зогаллинцы считали его чрезмерное увлечение местной водкой. Иногда Гриша выпивал по три-четыре дня подряд, пока находился в Зогаллы, потом очухивался, забирал посуду и уезжал. Алескер не одобрял похождения своего именного гостя по домам зогаллинцев и на людях выражал возмущение, что в деревне его гостя спаивают. С другой стороны, он был доволен, что специально для гостя не приходится что-то особенное на ужин готовить. Гриша приходил только ночевать, чем облегчал уход за собой в доме Алескера.

– Вредная у меня работа, – объяснял Гриша зогаллинцам. – Вы думаете легко покрывать полудой поверхности посуды? Целый день в темной холодной мастерской сидишь и работаешь. Олово садится мне на легкие, дышать не могу. Только водкой можно его выбивать. Не будешь выбивать, заработаешь чуму. А вы думаете, что я пью от хорошей жизни, да? – спрашивал он у зогаллинцев.

Не знакомые с химическими свойствами олова и способами его выбивания из легких человека зогаллинцы не хотели, чтобы, ремонтируя их посуду, Гриша заработал себе страшную болезнь чуму, поэтому иной раз готовы были наливать ему не одну лишнюю стопку крепкой водки, чтобы он таким образом чистил свои легкие, выбивая оттуда осевшие остатки оловянной пыли. Некоторые зогаллинцы почему-то считали, что чем крепче водка, тем удачнее выбивается олово, поэтому отчитывали земляков, по незнанию предлагавших Грише на обед слабое вино. Гриша не возражал.

– Если так, пей тогда на здоровье, – говорили зогаллинцы ему. – Лишь бы печень выдерживала, нам водки не жалко. А то будешь лечить легкие, посадишь печенку.

Когда Гриша пьянел, он пел одну грустную песню на не понятном для зогаллинцев языке. Даже Кара-дайы, знающий несколько мировых языков и считавшийся в Зогаллы чуть ли не полиглотом, не раз внимательно слушал пение Гриши, но так и не смог определить, на каком языке тот так жалобно поет.

Зогаллинцы Гришу, как мастера по оловянным делам, называли на уважительный азербайджанский лад «галайчы гардаш», что в переводе на русский язык означает «брат лудильщик».

***

С первого дня появления Гриши в деревне некоторые зогаллинцы по форме разговора на азербайджанском языке, по произношению многих слов находили у него много общего с горцами из Дагестана, которые после войны массово переходили в Азербайджан. Но светлая внешность Гриши давала ему возможность твердо придерживаться своей линии, тем более, большинство зогаллинцев верили ему, они же одергивали сомневающихся земляков.

– Какой он горец? – говорили они. – Светлый, как подсолнух. Видно, мамина кровь взяла верх, – успокаивали первых.

Через три года, когда в Загатале в совокупности с другими преступлениями Гришу осудили на пять лет, когда, по словам Абид-муаллима, «раскрылась мошенническая сущность Гриши», сомневающиеся зогаллинцы по делу посчитали себя победителями в распознавании незнакомых людей.

– С первого дня появления я понял, что он аферист. Везде, всегда и всем говорил, что не нравится этот Гриша мне. И аксакалам говорил. Не обязательно бороду отрастить, чтобы обрести мудрость и чтобы тебя тоже слушали. Разве нашим докажешь...Знаете, сколько в Тбилиси таких аферистов? – позже говорил в то время молодой еще студент Тбилисского госуниверситета, ныне учитель биологии Тельман-муаллим.

К слову, в тот злополучный последний день пребывания Гриши в Зогаллы Тельман-муаллим был на учебе, а его старая мать наравне со всеми зогаллинцами поверила Грише и сдала ему на ремонт небольшой тазик, хотя впоследствии упорно твердила, что ничего не сдала.

Как бы там ни было, возле «галайчы гардаша» Кара-дайы в тот весенний послевоенный день (какой именно был год, он сегодня не помнит) насчитал больше десяти желтых мешков, набитых казанами и кастрюлями. На смешном азербайджанском языке Гриша громко, полупьяным хриплым голосом зазывал зогаллинцев.

– Джан гардашлар, джан баджылар, – кричал он. – Поторопитесь, скоро олово подорожает, тогда ремонт старого казана будет стоить дороже нового. Так что несите и сдавайте. В следующий раз будет дороже.

В послевоенные годы цены имели тенденцию к снижению, удивленные зогаллинцы поначалу не хотели верить Грише.

– Как получается, что по всей стране всё дешевет, – спрашивали они у Гриши, – а твое олово дорожает?

Гриша отвечал, что олово он покупает в Шеки, в Шеки его привозят из Баку, Баку получает олово еще откуда-то. Вот и посчитайте, почему оно дорого получается?

– Считайте, считайте, – твердил он. – Считать, слава Аллаху, вы все умеете. Скоро олово будет в цене золота. Запомните мои слова, – старался убедить зогаллинцев пьяный Гриша.

Зогаллинцы допустили, что олово может дорожать, но в то, что оно может со временем быть наравне с золотом, не верили, смеялись над последними словами Гриши.

Развитие событий показало, что Гриша, по словам того же Абид-муаллима, «утверждением о превращении олова в золото усыплял бдительность зогаллинцев, а сам тем временем вынашивал преступный злодейский план».

И надо отдать ему должное. С самого начала в тот день всё шло по его плану: зогаллинцы несли ему не только дырявые, но и те кастрюли, которые, по их мнению, сильно прохудились и вот-вот должны были продырявиться. «Галайчы гардаш» брал всё, никому не отказывал. Когда Кара-дайы подошел к нему со своими кастрюлями, тот немножко растерялся, но виду не подавал. И Кара-дайы под смех женщин многозначительно спросил у «галайчы гардаша»:

– Джан «галайчы гардаш», скажи-ка, пожалуйста, мне, ты любое просачивающееся место можешь починить? – имея в виду, естественно, совсем другое место.

Женщины быстро догадались, на что намекает Кара-дайы, и, зная, что от него можно ждать чего угодно, покраснели от вопроса, запищали и смущенно отвернулись от него. А «галайчы гардаш», не поняв намека Кара-дайы, твердо ответил:

– Джан Кара-дайы, конечно, умею, я днем и ночью этим делом занимаюсь, как же не знать?

Женщины смущались еще больше, а бесстыжий Кара-дайы сказал:

– Я тоже умею, но я этим делом только ночью занимаюсь, – и сам посмеялся от души.

Потом Кара-дайы долго сдавал свои две кастрюли, указывал на какие-то их особенности, просил не перепутать с другими кастрюлями. Несколько раз напоминал Грише, чтобы тот имел в виду, что он сдает их с крышками, чтобы потом Гриша не возвращал их без крышек.

Перед уходом Кара-дайы поинтересовался у Гриши, когда же тот вернет назад собранное.

– Как всегда, – ответил тот, – через неделю или через десять дней.

Долго еще смеялись женщины после ухода Кара-дайы, а пытавшемуся узнать причину столь интенсивного смеха «галайчы гардашу» они ничего не объяснили.

Ближе к вечеру в Зогаллы из Загаталы прибыла новая грузовая машина с наращенными бортами ГАЗ-51 и тормознула возле горы с мешками. Гриша ждал её. Минуты две они с водителем о чем-то говорили, после этого Гриша сел в кабину, и они поехали в соседнее мугальское село. Загрузив собравшуюся там посуду, через час они вернулись и начали грузить зогаллинские мешки. Водитель подавал снизу, а Гриша наверху укладывал мешки.

Наблюдавшие процесс погрузки зогаллинцы позже рассказывали, что Гриша сильно тогда торопился, поэтому очень небрежно относился к мешкам, разбрасывая их по кузову как попало, будто в мешках находились не кухонные принадлежности, а набиты они были соломой. Погрузив мешки, машина в сопровождении зогаллинской детворы, которая бегала спереди и сзади машины, подъехала к дому Алескера, откуда Гриша хотел забрать свои вещи. Алескер находился дома, услышав звук работающего двигателя машины, он вышел на улицу и начал уговаривать водителя зайти в

дом, попить чаю и перекусить перед отъездом. Водитель наотрез отказался войти во двор, попеременно показывая то на свои часы, то на уходящее в небо солнце. Тем временем Гриша забрал свой пиджак, вышел к машине и собрался распрощаться с Алескером и садиться в машину. Но Алескер взял его за руку и потянул во двор. Во дворе Алескер указал на свой большой казан, который не поместился бы ни в какой мешок, попросил и его забрать на реставрацию.

Это был известный всем зогаллинцам знаменитый большой казан Алескера. В деревне его еще называли свадебным казаном, хотя на похоронных мероприятиях в Зогаллы тоже пользовались этим казаном. Ни одно торжество в деревне не могло обходиться без этого казана, его объем позволял закладывать варить, по словам Алескера, больше шестидесяти килограммов мяса. Перед каждой свадьбой хозяева свадеб на телегах подъезжали к дому Алескера, грузили казан и увозили его во двор, где намечалась свадьба. После свадьбы, основательно отмыв казан от сажи, они возвращали его обратно и выгружали во дворе Алескера под навесом. В знак благодарности принято было со свадеб возвращать казан обязательно с гостинцем. Даже после похоронных мероприятий, куда тоже брали казан Алескера, хозяева старались что-то положить на дно казана, хотя Алескер не раз предупреждал земляков, что не стоит благодарить его казан за участие в похоронах.

Казан был куплен Алескером сразу после войны в Евлахе, куда он тогда ездил торговать очищенными грецкими орехами. Будучи забойщиком животных на свадьбах и раздельщиком мяса, он видел, насколько тяжело приходится зогаллинским поварам в маленьких казанах готовить еду на свадьбах на всех приглашенных. Поэтому, когда он увидел этот огромный алюминиевый казан на базаре, не раздумывая, купил его, отдав за него мешок очищенного ореха. Тяжелее всего, по словам Алескера, было привезти его из Евлаха в Зогаллы. В Евлах Алескера с орехами доставил редкий военный грузовик, так как автобусы в те годы не ходили. Обратный он тоже надеялся на военных, но, посидев три дня на развилке дорог в Евлахе со своим казаном и не найдя никого, на ком бы он мог с казаном вернуться в Зогаллы, вечером уныло возвращался в дом, где снимал койку. Прохожие евлахцы при виде Алескера с огромным казаном на плече удивлялись и уступали ему дорогу. На четвертый день отчаявшемуся Алескеру несказанно повезло: он встретил три арбы из соседней грузинской деревни, которые пустыми возвращались обратно в Алибейли после сдачи колхозного зерна в евлахский элеватор. Они и подобрали его. Расстояние сто тридцать километров арбы, запряженные волами, преодолели за неделю.

– Давай в следующий раз, – мягко отказал Алескеру Гриша. – Видишь, машина загружена по борту, мест нет. В следующий раз заберу.

Но Алескер настаивал забрать казан сейчас:

– Осенью начнутся свадьбы, пока весна, забирай, луди и верни, пусть блестит под навесом.

Один Аллах свидетель, и жена Алескера помнит тот день, не хотел Гриша связываться с этим казаном, не хотел лишиться он Зогаллы его раритета. Но и Алескера еще надо знать: сильный, здоровый, от одного злого взгляда дети в деревне плакали. Алескер настаивал, Гриша не хотел взять, а тут еще водитель на улице стал сигналить. Не выдержали нервы Алескера, и он приказал:

–Забрать, и всё!

Гриша сдался, и они вдвоем вынесли казан на улицу. На кузове определили место для казана, и соседи помогли поднять его. Гриша подпер казан мешками, в сам казан поместил целый мешок с утварью. Убедившись, что по дороге не слетит, спустился, простился с Алескером, с его женой, которая передала Грише сверток с вареной курицей на дорогу, сел в машину и уехал. И увез Гриша с собой полный кузов ГАЗ-51 кастрюль, казанов и самоваров и другой утвари на ремонт в Загатулу.

Гриша не привез отремонтированную утварь в Зогаллы ни через неделю и ни через десять дней. Через двадцать дней он тоже не появился. А когда он не появился и через месяц, зогаллинцы насторожились и отправили гонца в Загаталу на поиски Гриши, хотя никто из зогаллинцев не знал, где в городе его искать. Не знал и отправленный гонец. По приезду в Загаталу он полдня крутился на базаре, не встретив никого, даже близко похожего на Гришу, к вечеру вернулся домой. Правда, перед отъездом из Загаталы он успел спросить в чайхане у чайханщика, не знает ли тот светлого лудильщика по имени Гриша. Чайханщик отрицательно помахал головой, что дало основание гонцу по приезду в Зогаллы громогласно заявить:

– Гриша пропал. В Загатале никто не знает, где он! – что отчасти являлось правдой.

Долгие поиски зогаллинцев не дали никаких результатов, если можно назвать поисками их расспросы о Грише у знакомых и незнакомых.

Между прочим, с того дня, как зогаллинцы убедились, что лудильщик пропал окончательно с их кухонной утварью, они между собой перестали называть его «га-лайчы гардашем» и именовали его исключительно Гришей.

Еще через неделю по совету какого-то старожила Алескера откомандировали в Шеки, в надежде найти поставщика олова Грише, чтобы через него выйти на Гришу. Алескер вернулся через двое суток с пятью килограммами халвы, купленной в Шеки, но без какой-либо информации о поставщике олова и о Грише. Покупка халвы Алескером в Шеки тогда не очень понравилась зогаллинским старожилам: по их утверждению, якобы в горестное для земляков время нельзя баловаться сладостями. Тем более, если ты несешь непосредственную ответственность за деяния своего именного гостя как принимающая сторона, намекнули они Алескеру. Для разрядки ситуации Алескер разрезал на куски всю купленную шекинскую халву и поделился со всеми старожилами, как бы давая им понять, что именно для их угощения и была куплена халва. Старожилы остались довольны, забыли опрометчивость Алескера и вернулись к поискам Гриши.

Абид-муаллим, молодой учитель зогаллинской школы, искусство красноречия которого тогда только начинало вырисовываться, в результате коварного поступка Гриши потерял самовар. Посовещавшись со старожилами, он съездил в райком жаловаться.

– Народ остался без посуды. Детям не в чем еду готовить, – с порога начал он, в надежде подключить райком к поискам пропавшего лудильщика.

В райкоме его внимательно выслушали, но твердо сказали, что по вопросам кражи домашней посуды они жалобы не принимают.

– Да я не жаловаться пришел, а советоваться.

– Когда сдавали посуду, тогда надо было советоваться, – сказали ему, – сейчас уже поздно!

И направили его написать заявление в милицию, здание которой находилось как раз напротив здания райкома. В милицию Абид-муаллим не пошел, он с молодых лет не любил туда ходить. Когда он вернулся в Зогаллы, земляки с надеждой спросили:

– Ну, что, Абид-муаллим, в райкоме сказали?

Абид-муаллим спокойно заявил:

– В райкоме сказали, что пропал ваш Гриша, купите новые кастрюли, – чем сильно расстроил земляков.

Больше всех, конечно же, горевал Алескер. С одной стороны, его угнетала потеря самого большого казана в деревне. С другой стороны, ему было очень неловко перед земляками за то, что недоглядел за именным гостем. Сюда добавилась еще и нехорошая история с халвой.

Одним словом, совокупность всех этих грузов и подтолкнула его в первый раз в жизни напиться:

– Где увижу, там же казан ему на голову надену! – грозился Алескер по своему обычаю во всеуслышание, при этом не уточнял, какой именно казан он собирается надеть на голову Гриши.

– Если увидишь... – потерявшие надежду земляки уныло поддержали его.

Одновременно с зогаллинцами поисками пропавшего лудильщика были заняты соседние мугалы, у которых в тот день Гриша забрал много материала для ремонта и им тоже не вернул. Отчасти это обстоятельство являлось единственным утешением для зогаллинцев в этой горькой истории. В глубине души многие зогаллинцы даже радовались, что обманутыми оказались не только они, но и мугалы. Что, по мнению зогаллинцев, требовало от Гриши немалого искусства, так как мугалы сами готовы любого обмануть в любое время.

– Нас-то все обманывают, – говорили зогаллинцы, – но чтобы мугалов так провести? – смеялись они, радуясь факту обмана мугалов и временно забывая свои потери.

Некоторые зогаллинцы, которые сами не пострадали от действий Гриши, готовы были его оправдать:

– Может, какое несчастье случилось с ним? Может, заболел? Вдруг возьмет да появится, – как бы обнадеживали они обманутых земляков.

– А может, действительно олово подорожало, – говорили другие.

Осенью, потеряв всякие надежды на возвращение своих кухонных принадлежностей, зогаллинцы, продав фундук и грецкие орехи, начали постепенно покупать новые. Осенние свадьбы прошли без большого казана Алескера. На первой же деревенской свадьбе Алескер дал слово поварам, что до следующей осени он обязательно приобретет еще лучший и еще больший казан, и попросил потерпеть один год.

***

Справедливость в какой-то мере восторжествовала в мае месяце следующего года. Алескер прогуливался по загатальскому базару в поисках большого казана. В железных рядах он увидел обросшего светлого мужчину возле гор домашней посуды. Тот был пьян и еле держался на ногах. По словам Алескера, он сразу узнал его – Гришу, хотя за год тот существенно внешне изменился. Похудел и выглядел не по годам старым. Алескер узнал не только лудильщика, он узнал и свой казан, самый большой, среди выставленных на продажу. Гриша, увидев Алескера, хотел удрать, но при первых же шагах у него заплелись ноги и он упал.

– Это был спектакль. Одной рукой я поднял его с асфальта, а второй рукой выбрал другой большой казан и надел ему на голову, – позже рассказывал Алескер. – Народ изумленно смотрел на меня в ожидании конца спектакля. Подобрал с асфальта большой черпак, я со всей силой ударил по днищу казана, надетого на голову лудильщика. От звука удара он рухнул, как подкошенный. Я быстренько схватил свой казан, взвалил на плечо и ушел, – заключил Алескер.

– Так ты свой казан надел ему на голову или другой? – спросил один любопытный земляк.

– Конечно, чужой, – ответил Алескер, довольным видом показывая всем, что свое обещание он выполнил. И казан надел на голову Гриши, и вернул в Зогаллы большой свадебный казан.

– Он что, дурак, что ли, по своему казану бить, – оправдывали его в беседах между собой зогаллинцы. – От одного его удара дно казана отвалится, – подчеркивая чрезмерную силу Алескера, они указывали еще и на другое возможное последствие его удара.

К вечеру о встрече Алескера с лудильщиком на загатальском базаре в Зогаллы знали все. Многие любопытные зогаллинцы в тот же вечер пришли к Алескеру домой, чтобы узнать, где именно на базаре он поймал лудильщика. Когда Алескер объяснял им, где он на базаре застал Гришу, зогаллинцы обязательно задавали второй вопрос.

– Алескер, ты там случайно наш казан не видел? – спрашивал один.

– Алескер, ты не разглядел, может, и наш самовар был там? – интересовался Абид-муаллим.

Алескер всех обнадеживал.

– Видел ли я ваш казан, точно не скажу, потому что их там было много. Но, по моему, ваш тоже там был, – отвечал он первому.

– Чего только там не было. Я свой казан сразу заметил. Если я не ошибаюсь, ваш самовар стоял с краю, – ответил он Абид-муаллиму, и тот моментально в ответ рывкнул:

– Конечно, гад, поставил с краю, чтобы быстро продать!

А вот маленьких кастрюль Кара-дайы Алескер не разглядел, там была гора посуды.

– Мои кастрюли в первую очередь продались бы, – сказал Кара-дайы. – Они как новые были, с крышками.

Десяток обманутых зогаллинцев на следующий день, с самого утра, на двух телегах, поехали в Загаталу за своей посудой. На базаре, на обозначенном Алескером месте, они лудильщика не застали. Около двух часов зогаллинцы крутились по базару в поисках Гриши, пока старый жестящик, изготавливающий и торгующий жестяными изделиями, не догадался, кого они ищут.

– Вы, наверно, лудильщика ищете? – спросил он.

– Его, его! – хором ответили зогаллинцы. – Чтобы его молния сразила, именно его и ждем.

– Можете его не ждать, – спокойно сказал старик, не отрываясь от работы и не поднимая головы.

– Почему? – опять хором спросили зогаллинцы.

Старик отложил в сторону деревянный молоток, которым он стучал по жести, и рассказал, почему не стоит ждать оловянщика:

– Вчера один мужик, верзила, размерами напоминающий здорового медведя, поймал его вот тут, – старик указал на место, где Алескер поймал Гришу. – Без единого слова надел ему на голову большой казан и одним ударом черпака заглушил его так, что тот потерял сознание. Потом прихватил самый большой казан из выставленных на продажу и спокойно ушел.

Зогаллинцы оглядели друг друга, обрадовались, что Алескер хоть как-то наказал злодея. Но их больше интересовало, куда же потом делся Гриша, неужто он умер?

– Да нет, не умер, слегка контуженный был. Я сам в войну однажды так был контужен, вроде всё видел, но говорить не мог, а в ушах стоял свист и шум. К тому же этот бедолага вчера еще и был пьян. Мы, естественно, после ухода этого верзилы сняли с головы лудильщика казан, он тут же открыл глаза. Уложили вот здесь. Потом пришли его дружки, такие же алкоголики, как он сам, и забрали его.

– А посуда куда делась? – еще теплилась надежда у зогаллинцев, что где-то тут, на базаре, складирована посуда.

Но старик дальше разочаровывал их:

– А посуду эти самые дружки забрали вечером. Пришли и всё забрали. Сегодня с утра милиционер Акпер приходил, интересовался, что вчера тут случилось? Кто лудильщика побил? Кто-то, видимо, донес в милицию, и он с утра тут вырос. А мы что? Лудильщика толком не знали, тем более того медведя, который заглушил его. А он всё пытал нас, искал этого медведя.

Зогаллинцы догадались, что не найти им Гришу, опять он ушел с их посудой. А тут еще старик, любопытный такой, начал у них интересоваться:

– Может, вы знаете, кто его побил? Милиция вот там, за углом.

Зогаллинцы никогда не сдали бы Алескера в милицию, поэтому вернулись обратно в Зогаллы с пустыми руками.

Еще через два года, в разгар лета, в Зогаллы приехал следователь из Загаталы. До обеда оставался ровно час, когда он без стука зашел в кабинет председателя зогаллинского сельсовета. К чести председателя, он не испугался, посадил приезжего на единственный стул и тихо произнес:

– Я вас слушаю.

Еще через двадцать минут они вышли из кабинета председателя и направились к дому Абид-муаллима. За обеденным столом следователь, по совету председателя, предложил Абид-муаллиму, как местному интеллигенту, быть свидетелем на суде по статье «мошенничество» в отношении гражданина Гафура Сулейманова.

– А мы не знаем никакого Гафура Сулейманова, – возразил было Абид-муаллим, но его перебил председатель сельсовета:

– Это наш Гриша.

Провожая следователя, взяв его за руку, на выходе со двора, пользуясь тем, что председатель сельсовета немного отстал от них, Абид-муаллим тихо спросил:

– А из посуды что-то осталось?

Подвыпивший следователь, чтобы не обидеть хлебосольного сельского интеллигента, остановился, посмотрел в его любопытные глаза и многозначительно ответил:

– Что-то осталось, – сделал несколько шагов и еще раз повторил: – Конечно, что-то осталось.

Последние слова загатальского следователя Абид-муаллим счел сигналом для действий. На горизонте появилась надежда на возврат утерянного самовара, при удачном стечении обстоятельств, возможно, еще кое-чего.

С юношеских лет Абид-муаллим был склонен к авантюризму, поэтому он немедленно приступил к подготовке. Первым делом Абид-муаллим обошел всех своих земляков и пофамильно записал пострадавших от коварного поступка лудильщика Гриши, не забыв перед каждой фамилией указать наименование утерянной посуды. И к назначенному дню первым прибыл в здание суда.

На суде Гриша виновато здоровался со всеми прибывшими на суд свидетелями, признавая свою вину и при этом поднятием плеч показывая, что не всё зависело от него, так уж получилось. Судом было установлено, что обвиняемый Гриша на самом деле есть Гафур Сулейманов, горец, перешедший из Дагестана в Загаталу сразу после войны. Выяснилось, что в первое время он работал честно и порядочно. Объезжал все близлежащие к Загатале деревни, собирал кухонные принадлежности, ремонтировал и вовремя возвращал. Везде им были довольны. Позже, по каким-то не выясненным судом причинам, он влез в долги и не придумал ничего лучшего, как собрать у своих доверчивых клиентов посуду и не возвращать.

– Мне надо было рассчитаться по долгам, – тихо произнес Гриша на суде, когда судья спросил у него причину невозврата посуды.

Суд установил, что, кроме зогаллинцев и мугалов, в общей сложности пострадали жители еще шести деревень. Что интересно, сбор кухонной утвари во всех этих деревнях производился почти одновременно – с разницей в десять дней. Позже в течение года Гриша реставрировал и лудил собранную посуду и только через год вывез ее на продажу. К большому его невезению, в первый же день на базаре он столкнулся с Алескером. Между прочим, на суде он так и не признался, что Алескер надел ему на голову казан и оглушил его ударом по казану.

– Ничего подобного не было, – невозмутимо отреагировал он на вопрос судьи о том, правда ли, что в первый же день, когда он вывез товар на продажу, его там побил. – А если бы даже побил, я сегодня не признался бы. Я их понимаю.

Никто из приглашенных на суд свидетелей не готовился к суду так основательно, как Абид-муаллим. Никто из них не смог сказать суду общее количество вывезенных из их деревни посуды. Другое дело Абид-муаллим. Его, как свидетеля, допрашивали последним. На суде он зачитал список вывезенной обвиняемым с каждого зогаллинского двора кухонной посуды. После каждой фамилии он называл количество и наименование кухонной утвари. Суд внимательно его слушал и делал себе отметки. Последним он назвал свою фамилию и сказал:

– А я в тот день потерял самовар, поднос и саханг!

Сидевший до сих пор молча Гриша неожиданно для всех вскочил с места:

– Абид-муаллим, как вам не стыдно, какой поднос, какой саханг? Вы же только небольшой самовар тогда сдали.

Суд замешкался, Абид-муаллиму ничего не оставалось, как настаивать на своем:

– Да, самовар я принес. А саханг и поднос позже жена принесла тебе!

Гриша стал призывать Абид-муаллима к порядочности:

– Будь мужчиной, Абид-муаллим! Будь человеком!

Но было уже поздно, Абид-муаллим ко всему сказанному еще добавил, что в тот день Гриша был пьяным, и он навряд ли помнит всю сданную ему посуду.

– Если сегодня ночью ты не умрешь от стыда, тогда я ничего не знаю, – заключил Гриша.

– Лишь бы ты остался в живых, – ответил Абид муаллим и сел.

В целом Гриша признал свою вину по всем пунктам предъявленных ему обвинений, извинился перед судом и поименно перед всеми приглашенными на суд свидетелями. Дойдя до Абид-муаллима, он повторил:

– Пусть тебе будет стыдно, Абид-муаллим! Мужчиной надо быть!

Абид-муаллим не остался в долгу:

– Сам украл, а стыдно должно быть мне. Интересно.

Решение суда в виде пяти лет лишения свободы Гриша принял спокойно. Когда конвоиры его выводили из зала, он остановился и последний раз крикнул Абид-муаллиму:

– Пусть тебе будет стыдно, Абид-муаллим! Муаллимом еще себя называет.

Перед тем, как выйти из зала суда, судья пальцем пригласил Абид-муаллима к себе, улыбнувшись, спросил:

– Абид-муаллим, были все-таки поднос с сахангом или нет?

– Клянусь! – моментально ответил Абид-муаллим, будто ждал этого вопроса.

Домой в Зогаллы он вернулся поздно ночью. В последующие годы, когда речь заходила о сданной им Грише посуды, он к самовару неизменно добавлял поднос и саханг и до конца жизни придерживался этой позиции.

***

– Ни паспорта, ни метрики, ни военного билета – ничего не было у этого обрванца. А покойный ныне Алескер взял и пустил его в дом. Откуда Алескер мог знать? А он оказался негодяем, чуть было не опорочил чистое имя Алескера. А каким богатырем был Алескер, Allah ġəhmət eləsin, сколько животных он зарезал в Зогаллы за свою жизнь, никто не сосчитает. И на свадьбы его приглашали, и на похороны, и на именины. Там, где надо было забивать животного, приглашали Алескера. Я не слышал, чтобы он кому-то отказывал. Иные соседи ленились даже петуха дома зарезать, отправляли детей к Алескеру.

– Дядя Алескер, дядя Алескер, курицу нам не зарежете? – кричали с улицы дети. – Некому резать, папы дома нет, – когда их папа в это время лежал в тени и отдыхал.

Алескер молча выходил на улицу со своим ножом, отходил в сторону и резал курицу. Вот такой святой человек был Алескер.

Как-то перед смертью я ходил проведывать его, лежал неподвижный, поху-девший, одни кости торчали.

– Моя болезнь известная, – тихим голосом жаловался он мне, – лечения нет моей болезни. Знаете, Кара-дайы, о чем больше всего жалею? О том, что я не пил и не гулял, как пьют и гуляют наши зогаллинцы. Хотел беречь себя. А болезнь взяла и поразила мой желудок, не могу даже кусок хлеба есть.

Я чуть не заплакал тогда.

– Еще, – говорил он, – Кара-дайы, левая рука иногда так болит, хочется оторвать ее и выбросить, даже боль желудка забывается на время. Это, наверно, расплата за невинно убиенных мной животных. Если бы сегодня я вдруг выздоровел и вернулся в здоровую жизнь, никогда больше не резал бы животных, жил бы, как все зогаллинцы, пил и веселился бы на свадьбах.

Я тогда не помню, как добрался домой. Так подействовали на меня слова покойного Алескера. Пока не выпил три стопки крепкой тутовки, не пришел в себя. Вот такой расстроенный и растроганный я был после его слов. О чем ты говоришь? Хорошо, что большой казан он вернул. А то хоть собирай вещи и уезжай всей деревней с насиженных мест. А ты как думал? Легко, думаешь, справлять свадьбы, похороны в Зогаллы без большого казана? Вот до чего мог довести поступок Гриши, – Кара-дайы в конце рассказа продолжал драматизировать возможные последствия того преступления.

Что еще интересно, в наши дни, когда речь заходит о преступлении Гриши, Кара-дайы почему-то обвиняет свою жену в потере «двух самых лучших кастрюль в доме», хотя вся деревня знает, что именно он тогда сдал Грише эти самые кастрюли. Вот такой он у нас чудный, наш Кара-дайы!

Чудны и твои дела, о, Аллах! Дай разума всем своим временным гостям на этом свете – и детям, и взрослым, и молодым, и старикам, в том числе моим землякам-зогаллинцам! Достучись в сердце каждому, разум потерявшему! Аминь!

